

Купюра
к дороге

Купюра
к дороге

Кира Бородулина

Письма к мечте. Эпистолярная романика в трех частях

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48629811
ISBN 9785005076083*

Аннотация

Кристина – скромная и мечтательная певчая в провинциальном храме. Однажды она находит в интернете знакомого, с которым не виделась много лет. Изучая его страницу, Крис влюбляется, но не решается напомнить о себе. Он – искатель приключений и ловелас. Даже по закрытому профилю в соцсети ясно, что у церковной девушки и мирского мужчины мало общего, но в какой-то момент Крис решает покончить с фантазиями и узнать реального человека. Что из этого вышло – расскажут ее письма.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Маски одиночеств	65
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Письма к мечте Эпистолярная романика в трех частях

Кира Бородулина

Корректор Вера Бородулина

Дизайнер обложки Екатерина Нестеровская-Панферова

© Кира Бородулина, 2019

© Екатерина Нестеровская-Панферова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7608-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Нет ничего скучнее чужих снов...

Вот так началась тишина,
И мертвым письмам
Не ожить уже в теплой руке.
По белой стене
Ползет луч заката и прожитых дней —
Пристанище боли и слез,
Дурацких ненужных стихов,
Надуманых кем-то строк
И безликих созвучий.
Самый лучший,
Самый тот, кто всех ближе не стал...
Догорает в глазах мечта,
Листья кружит
Новой осени старый дым.
Через время совсем другим
Станешь.
Может быть, все поймешь
И дорогой на свет пойдешь,
И из праха восстанешь.
Тишина.
Луч заката по белой стене,
Мысли в тень, и дрожит в руке
Чистый лист – мертвых слов письмо

Тебе.

2 авг., 2012.

Где-то в этом городе – ты. Я изобрету себе занятие – каждый день думать о тебе в определенный час. Например, утром. Легко представить, как ты просыпаешься, собираешься на работу. Работа у тебя по нашим временам необычная: не ди-джей, не фотограф и не дизайнер. Молодой мужчина с высшим образованием везде пригодится. Мне нравится думать, что ты на своем месте. Кажется, у тебя есть машина – упомянул вскользь. Значит, едешь своим ходом, слушая любимую музыку. Знаю, какую – хоть что-то известно наверняка.

Нет, мысль не идет. Не мечтается об осени в душной комнате. Даже не могу представить тебя в элегантной одежде. Простой – ладно: джинсы и свитер. Светлые кудри собраны в хвост. Где тебя представить и как о тебе думать?

И главное, зачем...

Лучше выбрать другое время дня. Скажем, вечер. Интересно, как ты проводишь вечера – один или с семьей, с друзьями или у телевизора (в интернете, как вариант)? Какая у тебя семья? Родители, братья и сестры или своя собственная, в которой ты сам родитель? За эти годы могло столько всего произойти!

Иногда хочется подумать о ком-то. Даже влюбиться. В придуманный образ, абстрактный идеал, персонаж или героя. А ты живой, интересный, реальный. Нет, лучше думать

о несуществующем – по крайней мере, чужого не ворует. Быть может, и нет тебя уже на свете.

Скоро будем гулять по паркам и пустынным улицам, вдыхая аромат наступившей осени и шуршать золотыми листьями, а чуть позже – греться в кофейнях, стряхивать зонтики и смотреть на город из окон. Так щемяще приятно и удушливо романтично! Так легко и спокойно, если удастся унять туманную боль в душе, которая осенью имеет обыкновение всколыхиваться, как раненый зверь, чтоб издать последний стон или вздох, прежде чем навеки затихнуть. Проходят годы: цепенящие зимы, одуряющие вёсны, пышущие жаром лета, и возвращается она – королева, воскресительница в золотом уборе... и что-то вновь просыпается во мне. Я, как матерый мазохист, с замиранием сердца жду этого пробуждения. Мне уже не терпится окунуться в светлую печаль и беспричинную грусть, облачиться в закрытую одежду, пройтись по улицам одной.

Я изменилась. Наверное, ты не узнал бы меня. Но, кажется, я ни разу не встретила тебя на улицах этого города, хотя и не вглядываюсь в лица. Так странно, что нет ни места, ни времени, где мы могли бы пересечься. Даже во сне и мыслях, представляешь! Может, подумаешь обо мне на досуге? Вспомнишь о призраке прошлого, невнятной тени октябрьского вечера, и мой несложный номер, словно 911 или такси, всегда доступен, как дружеская жилетка или скорая помощь.

В действительности, разве я хочу встретить тебя? Нам

и сказать друг другу нечего. Хотя я тебя искала – в социальных сетях, в группах и друзьях, по возрасту и статусу, месту работы и всему, что знала о тебе. Тщетно. Я потратила на это пару вечеров, смеясь над собой. Неужели я бы решилась написать тебе, если бы нашла? Это лишь затем, чтобы сказать себе: я умываю руки. Ты же не предпринял ничего, так кому нужна моя борьба, если и нужно бороться за счастье?

Я не верю в случайности и каждое лицо в своей жизни могу на роман раскрутить. Для чего же мелькнуло твое? За столько лет ничего не прояснилось. Я забываю о тебе, а потом опять вспоминаю и погружаюсь в раздумья. Мне же все знать надо, вынь да положь Божий Промысел, который людским умом не измерить.

Случайные встречи, размытые лица – как порванные нити на сердце. Еще одна попытка соединить несочетаемое или завязать узелок на какой-то, придав иллюзию завершенности.

31 авг.

Когда ты вернешься, все будет иначе,
И нам не узнать друг друга...
«Белая гвардия».

Привет, неизвестный герой!

Я уже призналась, что искала тебя. Что же заставило меня повторить бесплодные попытки? Как всегда мелочь. Случай или судьба? Решай сам.

Придя вечером домой, проверила почту. Там спам – рекламируют поисковый сайт – мол, достаточно имени, и найдем кого угодно. Тьфу! Я уже собралась удалить это письмо, как вдруг вспомнила тебя. Что-то часто я стала тебя вспоминать! Разумеется, поиск ничего не дал. Тогда я уперлась рогом и решила попробовать еще раз в «контакте». Я не ограничила поиск вузом и факультетом. Просматривать всех Романов от двадцати пяти мне быстро надоело, но вдруг одна страница привлекла внимание... Не потому, что я узнала тебя, просто байкеры и Питер. Сначала забраковала, но, думаю, вернусь позже, посмотрю фотки. И оказалась именно на твоей странице. То, что ты реконструктор и байкер, для меня ново, да и как узнаешь человека за пять минут? Ты, должно быть, не помнишь меня. Общение не сложилось – все ясно. Ты не позвонил, а не я. Ты обещал и не сдержал слова.

Разумом делу не поможешь. Все равно думаю о тебе.

Золотая голова российского сыска! Я нашла тебя в «Моем круге» на Яндексe. Тридцать пять лет. Это много? Пожалуй, нет. Кольца на пальце нет, и записи на стене свидетельствуют об убежденном холостячестве. Случайные девушки, случайные встречи. Наверное, ты и ко мне отнесся так же: захотелось с кем-то познакомиться, а потом – можно и не звонить.

С 2008-го ты работаешь в сфере ЖКХ, недвижимости, строительства. Я даже знаю адрес. Ты бы, наверное, долго смеялся, если бы узнал, что я туда ездила и даже нашла фир-

му. Почти нашла. Вглубь территория оказалась безлюдной с пометкой «опасная зона». Захватывающе! Спohватившись, что могу встретить кого-то из работников компании, и придется объяснять, что я тут делаю, решила не соваться. Сама себе не могу ничего объяснить.

В какой-то момент мне показалось, я схожу с ума. С чего вдруг такое волнение, такие заносы? Успенский пост, все понятно. Я возлагала большие надежды на поездку к Сергию Радонежскому. Хотелось понять, что делать, почему и для чего так получилось? Ведь если бы ты мне совсем не нравилась, я бы забыла тебя, как сделали обе мои подруги, бывшие со мной в тот вечер и не придавшие значения этому глупому эпизоду. В то же время, напоминать о себе, навязываться... а вдруг ты воинствующий атеист или так и не вспомнишь меня, пока я унижительно долго не распишу свою персону? Нет, я не наступлю на грабли.

Интересно было бы узнать, кто я? Предположим, что да. Недавно я стала церковной певчей, а сегодня прошла боевое крещение: правила службу одна. Храм у нас маленький, поэтому я не хорист, а соло. Подслеповатая девочка с улицы, без музыкального образования, которую оставили одну на клиросе спустя пять месяцев – по словам батюшки, никогда такого не было и вряд ли могло быть. Я – зеркало Божией славы, и меня ничто не удивляет. Стыдно слышать похвалу. Если бы я усерднее трудилась, могла бы и через два месяца все освоить, но лето было жарким и ленивым. Волно-

валась, конечно, – вот и поехала снимать стресс шопингом, как обычная девушка.

Все противилось этой поездке, начиная от здравого смысла, заканчивая погодой и транспортом, но я приехала и исходила бездорожную улицу вдоль и поперек. Когда шла на остановку и собиралась переходить проспект, мне помстилось, что вижу тебя. Нет, быть того не может! Мужчина небольшого роста, в джинсах и косухе, с пристальным и тяжелым взглядом, с собранными в хвост волосами, темнее твоих. Не могут у тебя быть такие волосы, я слепая, но не дальтоник! Да и вообще... половина четвертого, рабочий день еще не кончился, что тебе тут делать?!

Нормальная девушка давно бы решилась написать – интернет так сближает! Прояснила бы, стоит о тебе думать или нет. Здравый смысл заявляет, что нет. Но он плохой помощник. Я так и не научилась быть нормальной девушкой. Восемь лет назад маялась, парилась, пока мне все не надоело, а потом своей инициативой загубила дружбу, которая теперь могла бы оставить приятные воспоминания и хотя бы одному человеку не причинять боли. Быть может, и на сей раз мне надоест маяться, и я все испорчу. Как написано у тебя в статусе: отпустите коней, подожгите избу, ждите.

Твоя шерлокиня в первом поколении,
Кристина.

12 сент.

Привет, призрак прошлого!

Мне всегда нравились байкеры. Людям свойственно мечтать о несбыточном: хромые хотят танцевать, слепые – вязать крючком, а глухие – красиво петь. Байкер не человек, а символ... свободы, равенства и братства. Гонец ветра, неприкажанный, жаждущий скорости странник. Насмотревшись «Вне закона» (интересно, тебе нравится этот фильм?), я прониклась атмосферой и написала рассказ. Это было так давно, что я не знаю, как к нему относиться теперь. Наверное, ты бы отругал – все не так, я ничего не понимаю. Никак не соберусь прочесть «Ангелов ада» и посмотреть «Беспечного ездока», зато есть у меня книга, которая, наверное, понравилась бы тебе – «Призрачный ездок» Нила Пирта из «Раш». Он не байкер, просто путешественник, гонимый тяжелой душевной болью. Атмосфера у книги потрясающая! Вольный ветер севера так и веет со страниц, описание канадских красот завораживает, хотя раньше я пропускала эпизоды о пейзажах... Как я завидую вам!

Получается, твое появление в моей жизни – указание на проблемы, с которыми надо разобраться. Ты – сигнал тревоги, лакмусовая бумажка, которая выявляет, но и отвлекает собой от разбирательств. Горькое лекарство, которое само по себе причиняет боль, пока идет по пищеводу. Тщеславие и гордыня – еще полбеда. Лень: мне приятнее думать о тебе, чем заниматься важными делами. Маловерие и трусость: я боюсь жизни и жду мифического завтра (которое может

и не наступить), забывая о том, что довольно для каждого дня своей заботы. Заикленность на себе. Саможаление. Самолюбие. Вот такой пахучий букетик.

Вообще, надо быть аккуратнее в словах и обещаниях. Особенно с дурнушками. Ясно, что любят не за внешность, но изначально что-то должно привлечь внимание. И вряд ли это будет девушка в заштопанных джинсах, сапогах на шнуровке, куртке, увешанной унитазами цепями и в рокерской толстовке. Я тогда совершенно не обращала внимания на внешность, и мне даже казалось, я неплохо выгляжу! Ну ладно, можно влюбиться в улыбку, дружелюбие, легкий характер и приятную манеру поведения, в интеллект, который надо умело показать. У меня и этого не наблюдалось. Я молчала, как рыба об лед, ты вытягивал из меня какие-то сведения об учебе, и я отвечала односложно. Ума не приложу, о чем бы мы говорили, если бы ты все-таки позвонил.

Наверное, ты бы удивился, если бы узнал, как повлиял на человека, которого видел раз в жизни в течение десяти минут. Ты помог мне избавиться от призрака стародавней любви, и теперь у меня с ним сложилось нормальное общение. Смертельно надоело мусолить старье, которое, кажется, только теперь легко отпустила.

Твоя благодарная Крис.

17 сент.

Не тебе, а о себе.

Я, знаешь, няня, влюблена... Да. Он, наверное, хороший. По крайней мере, занятней, чем я о нем думала и представляла себе. Я ведь думала и представляла! Правда, сначала не придавала этому значения, если не сказать, проигнорировала. Так, случайная встреча, в которые я, разумеется, не верю. Сама напросилась на знакомство после концерта – осуществила детскую мечту, померила косуху. Сразу попросить постеснялась, хотя по его глазам поняла, что не откажет и даже с юмором к этому отнесется. Эти глаза я помнила еще долго, что уж врать! Тогда он мне забавным показался, чистые голубые очи по-детски навывкате, с несвойственной мне открытостью. Телефон почти выпрашивал, а я мобильник не дала, потому что МТС плохо ловил, и полразговора вылетало. На домашний он так и не позвонил. Вот и вся история.

Сердце дрогнуло от его интереса к моей персоне, на которую раньше никто внимания не обращал. Он взрослый мужчина, а я – слепая клуша, не готовая к серьезным отношениям. Я не обиделась – быстро о нем забыла и махнула рукой на это происшествие.

Дальше все страньше и страньше. Пять лет спустя. Как стала петь на клиросе, везде и всюду стал встречаться мне Роман Сладкопевец – покровитель православных певчих. Имя-то какое знакомое! Видимо, из-за него и вспомнила о *том* Романе. И нашла его – то ли время пришло, то ли очень уж хотелось, то ли искушение в пост. У него смешная фамилия и прозвище Граф. Посмотрела доступные недру-

жескому глазу фотки – даже футболка та же, что на концерте. По официальной версии, нашла у друзей друзей, так как общих френдов у нас нет.

С тех пор мне срывает крышу.

Как просто все у других, а со своей жизнью никак не прояснишь! В этой влюбленности появилось то, чего ранее не было и отравило все хорошее, что могло быть, и что я могла из нее вынести. Да, хорошо снова писать стихи и думать о нем, пялиться на его фотографии, скаченные в телефон и даже пробить, где он работает, и фиг знает зачем туда смотреться. Говорили мне в детстве: в мае родилась – маяться будешь. Я упертая была, отвечала: не буду! А вот маюсь, маюсь... некоторые свои поступки и волнения сама себе не могу объяснить, меня все время зовет и несет куда-то, словно от сердца идут волны, а неведомо где – большой электромагнит, включающийся самопроизвольно. Я не заскучала в своем покое (тем более, последние три месяца я его не видела), дел по уши, времени ни на что не оставалось. Не благодатная почва для влюбленности.

Недавно меня посетила мысль: почему же в меня никто никогда не влюблялся? Я не собиралась медитировать на тему, хорошо это или плохо, надо оно мне или нет. Я никогда не завидовала красавице-сестре с кучей неадекватных поклонников или Таньке с кучей адекватных, но она почти никогда не испытывала к ним ответного чувства и невольно причиняла им боль. Нет, меня волнует сам факт – поче-

му? Почему я не способна вызывать ветреных, романтических чувств? Наверное, полюбить меня все-таки можно, пусть за что-то и даже с неизбежностью – люди со временем ко мне прикипают и тянутся, потом я начинаю им нравиться, и некоторым становлюсь почти необходимой, как домашние тапочки.

Понравились я лишь мальчику по имени Богдан, с которым познакомилась в музыкальном магазине. Он на пять лет моложе и настолько мне безразличен, что я даже и не думала в него влюбляться. А ему нужна девушка – то ли возраст такой, то ли для самоутверждения, то ли не хватало внимания и обоготворения. Сначала мне казалось, что семнадцатилетнему рокеру просто не достает общения с единомышленниками. Не хотелось отбрасывать человека лишь потому, что мне это общение ничего не давало и мне, видите ли, неинтересно. Мне подавай мужиков лет на десять старше, меня буквально возбуждают их возраст и ум.

Решительнее Богдановы действия не стали, но намеки со временем сделались прозрачнее:

– Может, сходим в кафе? А то праздники, надоело дома сидеть...

– Сходи с братом.

– Ну, что с братом? Хочется с кем-то еще пообщаться, с кем-то противоположного пола...

Посылать его не пришлось – все само собой устаканилось. Напишет раз в полгода, спросит, как дела, я отвечу «нор-

мально», из вежливости спрошу, как у него. Скажет, зацени мой новый альбом. О моем мире он ничего не знал и ничуть им не интересовался, я его не грузила и в душу не зазывала, но и делать вид, что меня занимают его потуги стать рок-музыкантом, больше не могла. Я не могу даже представить влюбленность в кого-то младше себя, еще и в коллегу по инструменту – ни чуда, ни тайны, ни авторитета!

Рома же привлекал буквально всем: и внешность привычная и понятная, и образование гуманитарное, и возраст серьезный, увлечение реконструкцией с его образованием более чем логично, хотя и неожиданно. Ну и мотоциклы – вообще шикарно. Такого я совсем не ожидала, даже опасалась, что он проводит вечера перед теликом с пивом. Крест на груди, хоть и странный – массивный, квадратный, но распятие видно отчетливо. Не сатанист и не язычник – уже много для такой тусовки. Он почти не улыбался на фотках, и во взгляде было что-то нездешнее, глубокое.

Мне вдруг захотелось общаться, путешествовать, улыбаться и всех любить. А вокруг четыре стены и окно во двор. За окном крест и купол. Десять минут пути. Небо в подарок, а мало? Ты ведь о таком даже не мечтала! Твое место само тебя нашло, Господь притащил за шкурку и поставил на клирос – от Бога был музыкант, стань для Бога певцом. Да куда я денусь, так вся моя жизнь и пройдет на десятиминутном отрезке. Все в порядке. Просто почуяла вольный ветер через интернет-пространство.

Я уже подумывала добавить его в друзья, но что-то сдерживало. К общению я отношусь серьезно и осторожно. Бывает, пропустишь целую тираду мимо ушей, а порой одно слово так в душу западет, что покоя лишит на неделю. Я выжидала. Без конца обращалась к Богу с детскими просьбами. вразуми, покажи, дай понять, не позволь мне все испортить, да будет Воля Твоя, а не моя. А моя в кои-то веки появилась. А он упорно не видел моих лайков на своей стене. Больше никаких следов я не оставляла.

Стала изучать его страницу и не нашла ничего, что разочаровало бы. Есть моменты, которые не порадовали, но как-то легко воспринялись. Я сама циничная, но лишь недавно поняла, что надо с этим бороться, а мужик в тридцать пять наверняка давно с этим живет и ничего странного в этом не видит. Стебщик, небось, тот еще, и мне это нравилось.

Однако не все так мило и светло, как кажется. В этой влюбленности много мучения, чего-то мутного, словно темные воды едва слышно шуршали под твердой почвой моей веры и бабских сантиментов. Раньше я влюблялась в любовь, а дальше – черный квадрат Малевича. В данном случае я позволила своему воображению бродить слишком вольно. Мне вдруг стало страшно, когда я вспомнила год нашей встречи, ту самую осень... если бы он позвонил тогда, все кончилось бы плохо. Я сама еле на ногах стояла – только раз причастилась, это, конечно, серьезный шаг, но недостаточное. Подвиг веры был равен одному этому шагу.

Краткая характеристика той «эпохи»: сестра развелась и вернулась в отчий дом вместе с двухлетним племянником, не вылезала из судов и прокуратур по милости экс-мужа и его долгов и кредитов. Родители нервничали, скандалы дома стали делом обычным – короче, танец с саблями. У меня – практика в школе, диплом и маячащие на горизонте госы, прощание с любовью и крайне тяжелое мизантропическое душевное нестояние из-за домашних параной и шизофрений.

И вот в теплый октябрьский вечер появляется златокудрый симпатяга явно старше меня и напрашивается на общение да еще так напористо, что я невольно испугалась. А что если бы я дала ему номер мобильного? Скорее всего, вызвонил бы, встретились бы, может, и пообщались бы, а там глядишь и влюбилась бы – это мне раз плюнуть, только яви любовование моей персоной. А дома... При обострении конфликта я просто убегала, куда глаза глядели, плюнув на нелетную погоду. А была бы возможность убежать с кем-то или туда, где потеплее да поуютнее, неужели я бы ею пренебрегла?! Хотя я тогда сделалась колючим ежиком и с неохотой пригревалась к чужим сердцам, с сарказмом относилась к разговорам о любви и семье (насмотрелась уже, спасибо). Слово «замужество» вызывало у меня тошноту, разобщение подруг посеяло в сердце цинизм и недоверие к близости духовной и к якобы православным людям. Я и сама не чувствовала себя в силах стать лучше и что-то изменить.

Потом умерла бабушка. Горько-сладкая весна одиночества и боли, пустая квартира. Вот тут уже загорается красный свет и прорезается мерзкий вой сирены: стой, оглянись, очнись! Беда, беда! Ходишь по грани! Было так холодно и пусто, хотелось, чтобы кто-то оказался рядом, не побоялся погладить колючки и отогреть горячим сердцем. Дело могло кончиться парой бобрят уже тогда, потому что я вовсе не так крепко упиралась, как Танюха с Марком. Но она христианка со стажем и не собиралась губить ни его, ни себя, хотя он так и не понял, почему нельзя лечь и отдаться. К тому же я заметила за собой такие состояния, когда хочется себе еще больнее сделать, до дна упасть, в самую грязь, чтоб какой-то неведомый гвоздь еще глубже вогнать. Вроде фразы из фильма «Чучело»: «я хочу стать еще страшнее!»

Сила этого желания заставила меня понять простую вещь: от Бога такое быть не может. Смущение на душе – дело не Его. Сомнение, страдание и страх – тоже. Кажется, иначе я любить не могу. «Непонятно – любить и спокойно жить?!» Как? Как получается у людей? Встречаются, влюбляются, женятся, сразу взаимненько и ладненько. Я же вечно нахожу тех, кому нет до меня дела, и, возможно, есть такие, которым нравлюсь я, но они мне безразличны.

А что я думала? Искушения мне обещали, и я была готова, но почему я считала, что они будут связаны с храмом и людьми, которые там? Руководитель хора оказалась вовсе не таким монстром, каким ее изобразили, и против которо-

го я уже изготовилась обороняться. И, как нерадивый сакс-пограничник, подумала, что опасность миновала, поскольку еще не подошла!

Я все поняла, сто грамм приняла. Была неправа, качала права. Решила ничего не предпринимать, пока не проясню ситуацию, пока Господь не вразумит.

23 сент.

Дневник драного гриндера.

Дернуло поискать Рому в аське. Графъёв там полно и Романов Бобрицких тоже немало, но так, чтоб звезды сошлись, – только один и женат. Я почти физически ощутила, как моя мечта обрушилась на сердце тяжеленными кирпичами. Значит, я позволила себе желать чужого мужа. Это коробило больше, чем факт его несвободы. Но почему тогда такие безнадежные статусы? Почему в альбомах есть фотки даже хорька и кота, но ни одной фотографии любимой супруги? Я так привыкла к мысли о его одиночестве, что... а, как противно звучит: в тридцать пять все хорошие мужики уже разобраны!

Мне двадцать шесть. Уже – не еще. О профессиональном самоопределении я поволновалась прошлой осенью. На образовании можно поставить крест – ничего я с ним не найду, но мое место само нашло меня. Хотя я так удобно все продумала с пением чуть ранее! Не мое это, я инструменталист и ничего со своим голосом делать не хочу, ничего

в нем нет хорошего – это все чьи-то байки, Алексовские псевдо-комплименты, и зачем ему понадобилось меня восхвалять? Я многим ему обязана – прежде всего, пением. Мой дебют в храме состоялся в день его рождения, что, на мой взгляд, символично. И мысли были заняты уже другим человеком. Что ж от него урвать? О чем по прошествии лет я скажу: этим я обязана Роме, а он и знать не будет?

Тогда же я закрылась в ванной, смотрела в зеркало на свое зареванное лицо и думала, что навсегда одна. Неважно, сколько мне – двадцать шесть или сорок восемь. Я всегда буду одна. Почему? Неужто совсем нельзя такую полюбить? Я давно решила все и на этот счет – как раз в тот год, когда познакомилась с Ромой: никто мне не нужен, никаких серьезных отношений не хочу, а несерьезные меня, разумеется, интересовать не могут, я же типа верующая. Типа. Господи, Ты хочешь оставить меня только Себе? Такую шатающуюся, грязную, продажную, которая забывает о Тебе, едва появится на горизонте волосатый симпатяга? Ты всех от меня оттолкнул, будто не хотел допускать до моей жизни никого, кроме Себя. Пора бы мне уже прислушаться к тому, что решил Ты, а не решать все самой. Так убийственно! Слово «одна» полоснуло сердце болью. Это не то, что ты думаешь, это опять уязвленное самолюбие – о тебе забыли, ты никому не нужна и даже банальный интерес твоя личность не вызывает. Гордынька, батенька, у вас обострилась.

В какой-то момент мне казалось, я не хочу больше лю-

бить, я всю себя отдала в этих любовях. Я удовольствуюсь чужой и отвечу на нее. Наверное, это так прекрасно – когда тебя любят! Откуда мне знать? Может, я даже завидовала кому-то, кто знал. Пусть и страдал от этого, но знал. И ведь не пожалел, что вовремя оценил и не причинил боль другому, позволив себя любить. А если любовь настоящая, она не может не вызвать ответного чувства, пусть через много лет. Ее нельзя растоптать и забыть, ей можно только заразиться.

В моем сердце на мгновение вспыхнула обида, или ропот. Значит, никому? Ни с кем Ты меня делить не хочешь, Господи? Ах вот как... хорошо, я все поняла. Выбора нет. Тобой Одним жить и Тебе Одному служить. Только научи меня, как. Научи любить Тебя больше всего на свете и быть достойной Тебя...

На следующий день полегчало. Хоть прояснилось что-то. Нечего на чужих мужиков западать, своим обзаведись. Если бы так легко было приказать сердцу и плоти: слышь там, заткнись, нам чужого не надо!

Решив-таки выяснить, кто его жена, я стала просматривать его подружек в «контакте», и вскоре обнаружилась некая Дарья, записавшая в слп, что встречается с Романом Бобрицким. И он оставлял милые записи на ее стене, нежничал в комментариях и признавался в любви. Вот и докопалась. Камнепад мечты, дикий грохот. Никаких сомнений, и я снова здорова. Слава Тебе, Господи!

Ровно месяц длилось наваждение. Двадцать второго сентября я поехала в Оптину Пустынь и впервые исповедалась незнакомому батюшке. Если бы поездка сорвалась, я рассказала бы все отцу Сергию, так как уже не могла нормально существовать без Причастия. Вероятно, он не обрадовался бы, узнав, что мои мысли занимал какой-то мужик в то время, как я должна была посвящать себя пению и служению, но Господь уберег его от этой новости.

В монастыре свой темп жизни, никто никуда не торопится, можешь хоть до вечера препарировать душу. Правда, литургия совершалась в другом храме, и я боялась пропустить Причастие. Но все-таки впервые в жизни рассказала ситуацию. И стала свободной. Оставила кирпичи обвалившейся мечты у аналоя и пошла причащаться. Сказать, что с тех пор даже не вспоминаю о нем – не могу. Конечно, вспоминаю и думаю... часто, но чисто. Я верю, что все у него сложится хорошо, и он освоит улыбку. Может, даже фотки выложит. Слава Богу, есть та, которая научит его быть счастливым.

27 дек.

Привет, мартовский кот!

Еще новый год не наступил, а мне мерещится весна. Март – коварный месяц, но я очень люблю его. В нем столько надежды, свежести, контрастов! Борьба весеннего упования с зимней неуступчивостью. И вот уже лед на реке пошел, небо царапается серым брюхом о голые деревья, снег

уходит, оставляя следы прошлогодней травой, а ветер такой, что можно захлебнуться и не надышишься. Цепи рвутся, оковы гремят! Дорогу, дорогу! В этом нет бравады – весна идет смиренно, тихо, но неумолимо. Весна покаяния. Великий пост. Черные одежды священников и черная завеса царских врат. Долгие и скорбные службы, покаянный канон, торжествуете, православные! А после крестопоклонной недели время словно замирает в ожидании Пасхи. Скоро, скоро... победа над стужей в наших душах, над оледенелой бесчувственностью, окаменением сердец, блеклыми красками бессмыслицы бытия. Смерть, где твое жало! Ад, где твоя победа! Весна души...

Твой день рождения в марте. Интересно, любишь ли ты его, и как он на тебя влияет? Моя мама тоже родилась в марте, и ненавидит этот месяц. А мне бы он подошел – может, не так, как ноябрь, но уж получше, чем родной май. Тот слишком ярок и певуч для меня, мы не подходим друг другу, он меня даже раздражает. Все-таки так любопытно, что за человек прячется *behind blue eyes*¹. Применимо ли к тебе все, что о марте?

Я всем сердцем полюбила посты. Радостный свет Рождества, как морозная свежесть и снежная белизна. Чистота, завершение года, подведение итогов. Все-таки Рождество после нового года – неспроста, в этом есть символический смысл. Все суетное скоро отойдет, отгремит агонией

---

¹ «За голубыми глазами» – песня группы The Who

обмирщвленных помыслов, а потом, в тишине и свете, Христос вновь явится в мир, в просветленный и приготовленный постом мир твоей души.

Люблю и летний апостольский – после рождения Церкви, как знамя в руки, полезай в кузов. Летом, когда жизнь кипит со всех сторон и навязчивая установка на отдых одуряющее лезет отовсюду, в душе улягутся страсти и ты, исполненный благодатной созерцательности, окинешь взором этот мир и скажешь: славно, Господи, все ты создал – даже нам не сумеешь осквернить! И небо в чашечке цветка...

Люблю и успенский – короткий, но строгий. Раскрутившийся за лето мир затихает, постепенно сбавляя обороты, в воздухе пахнет осенью, ожиданием самой задумчивой и скорбной поры, которая мне очень импонирует, вероятно, по складу характера. Неяркие цвета соответствуют упадкам духа и помогают воспрянуть. Так же ты ищешь чужую боль, чтобы справиться со своей. Остановись и подумай, как провел и на что истратил это бестолковое лето.

Папа сказал, что видел сегодня парня, у которого мы недавно покупали дисковод. Они вместе работали на заправке лет пятнадцать назад, и я помню, что папа тогда привозил лицензионные диски от какого-то Димы. Вот они и встретились в музыкальном магазине, где тот работает.

– Димка сказал, у вашей дочери, наверное, интеллект зашкаливает! – с гордостью объявил отец.

– С чего он взял? – удивилась я. – мы же не общались.

– Значит, ему достаточно. Он и сам далеко не дурак, вот и сказал – сразу видно по человеку, что ума палата.

Ага, номер шесть, и ключ потерял.

– Наверное, видок зачуханный, – предположила я.

– На видок смотрят лет в пятнадцать, – сказал папа, – а когда мужику под сорок, он уже другое видит.

Да, таким дядькам я обычно нравилась. Замечу, мой родитель не стал убеждать меня в том, что видок у меня хоть куда, и, вообще, я красавица. Нет, мои мне никогда не ввали. Порой жаль! Иногда хочется быть красивой, и я что-то делаю для этого, но по-настоящему красивой девушке ничего делать не надо. Никаких дорогих шмоток, мехов и драгоценностей – она будет красоткой и в пуховике, портящем фигуру, и в бесформенных штанах. А ты строчи свои сказки...

Твоя страшная незнакомка Крис (смайлик, пожалуй).

31 дек.

Привет, незримый спутник!

Проснулась в жутком унынии. Не то чтобы не с той ноги встала – еще встать не успела. Толком не помню, что подумала, но, конечно, это было связано с тобой. Мысли витали вокруг невозможности любви и обреченности на одиночество.

Я по-прежнему не люблю рано вставать, но с тех пор, как начала петь в храме, всегда с радостью просыпаюсь и иду на службу. Многие ли могут похвастаться такой «работой»? Интересно, как ты себя ощущаешь по утрам. Порой вижу те-

бя онлайн далеко за полночь. Наверное, ты не жаворонок, но работаешь, как многие нормальные люди, с утра.

Моя жизнь стала кому-то нужной, осмысленной, я приблизилась к Богу так стремительно, как никогда бы не смогла самостоятельно. А сегодня, наверное, впервые мне не хотелось в храм. Я не волновалась, как обычно бывает, когда приходится служить с отцом Димитрием, – вообще ни о чем не думала. Мне просто не хотелось жить, но ничего не попишешь – встала, прочла пару молитв на автомате, выпила святой воды с просфорой, думала, полегчает. Налила чая с лимоном, чтоб не сушить связки. Наверное, хорошо было бы в монастыре – там хотя бы точно знаешь, что это навсегда, это твое произволение, непринужденный выбор и отступить некуда. Сказки про принцев (или в моем возрасте положено ждать короля?) на харлее \ хонде\ ямахе. Мама сказала про нас с Танькой (помнишь такую?): вы – невесты Христовы. Папа тоже ляпнул еще в сентябре: я тебя доверю в самые надежные руки – Господу Богу. Можно считать, родительское благословение получила? Или пророчество? Только в монастырь не тянет. Я хочу жить с Богом, Ему одному служить, но при этом одна, в десяти минутах ходьбы от храма, где всех уже знаю и люблю и ко мне все привыкли. Но видимо, не избежать мне этого, раз все так складывается. Чадо, по своему ли произволению пришел? Нет, отче, так сложилось... да кто ж тебя так сложил?!

Служба прошла нормально – псалмы разогнали моих бе-

сов, да и некогда унывать, когда все мысли в напряжении. В храме почти живу, а легче не становится. Как Настя жалела ветхозаветных патриархов – мы, дескать, можем в храм прийти, к иконе приложиться, таинства есть, пользоваться, а они бедные, ничего этого не имели. Я скромно заметила, что они говорили с Богом. У меня в кои-то веки много вопросов, но мы говорим с Богом только молитвой, а Он с нами – через Писание и Таинства. Не доходит, Господи, не понимаю я! Столько помех... И не помогают псалмы, иконы и сама атмосфера храма разогнать душевную боль не пойми откуда взявшуюся. Как порой хочется быть проще и понятнее себе самой...

Поехала постричься и вернулась в храм – на молебен. Это у нас такая традиция: каждый год, 31го числа, мы служим молебен перед новолетием. Последние годы я стараюсь его не пропускать, хотя опасаясь, что мое благочестие граничит с суеверием: пропустишь молебен – и весь год пройдет не знамо как. Но у меня теперь жизнь неотрывна от церкви, может, не стоит так упираться? Завтра, первого января, я пою, причем одна. Нормальные люди вроде тебя наверняка празднуют с друзьями, куда-то уезжают и десять дней со скуки пухнут, «отдыхая». А у меня все как было, так и есть: настоящий праздник – через неделю. Пока же пост, а что цифры меняются – это неизбежно, и ничего сакрального в этом нет. Поздравлять кого-то с новым годом – чистое безумие, как сказал отец Игорь. Ведь никто не знает, каким этот год

будет – с чем собственно поздравляешь? С переменной цифрой? В моей семье давно не принято изгаляться с подарками, так что магазинная толкучка осталась за кадром, и поскольку в моей жизни этого нет – кажется, нет вообще, хотя в маршрутках вижу людей с кучей сумок и мешков, в окнах гипермаркета очереди паломников из голодного края, в парикмахерских полно народу, словно войти в новый год нестриженным – катастрофа. Люди так устали от бессмыслицы и убегают от пустоты, придумывая себе праздники на ровном месте.

Подводя итоги за год, ничего плохого не могу вспомнить. Сначала были поиски работы, собеседования, общение с разными людьми. Потом Великий пост, который в кои-то веки провела почти нормально, как и подобает христианину. В апреле Настя с Лешкой обвенчались. В мае изменилась и моя жизнь – батюшка позвал петь на клиросе. Разумеется, отказаться я не могла, хотя он никогда не слышал, как я пою, и предложение его всех, включая меня, удивило. Изменился режим: раньше ложилась спать в шесть утра и вставала в два три часа дня. Теперь все как у людей. За лето проштудировала богослужебный устав и литературу по пению, изучала все о голосе, дикции и прочей нужности. Ходила в храм почти каждый день и пела. Уже в августе меня оставили одну. Потом конфликты с руководителем хора. Поездки в Троице-Сергиеву лавру и Оптину Пустынь. А еще ты.

Если не считать бестолковости этого инцидента с нахождением тебя в сети и всего, что из этого последовало, год

был удачным, переломным во всех смыслах – недаром високосный, хотя я не верю в предрассудки. Тебе будет тридцать шесть. Большой мальчик. На странице твоей избранницы видела группу организации свадеб. Что ж, дай вам Бог счастья. Если ты будешь по-настоящему женат, меня перестанет глючить, а то осенний втык не подействовал. Когда выяснилось, что она только *встречается* с тобой, а у тебя об этом вообще ничего не сказано, и последние твои записи на ее стене датированы 16 мая, это еще ни о чем не говорит. Она могла забыть изменить графу слп, если вы больше не встречаетесь, да и если встречаетесь – это может не иметь серьезных последствий и намерений. Сейчас все просто, брак расторгнуть – пара пустяков.

Пусть наступающий год будет для тебя хорошим.

Твоя унылая Крис.

5 янв., 2013.

В плеере «Мельница», альбом «Ангелофрения».

Привет, бродяга!

Ты вернулся! Рада видеть тебя онлайн снова. А то как ни зайдешь – старая аватарка, где ты на неправдоподобно огромном мотоцикле и подпись, что заходил последний раз 29 декабря. Видимо, уезжал куда-то, встречал новый год с многочисленными друзьями, а я все эти дни заглядывала на твою страницу и разбиралась со своими демонами, но не слишком преуспела. Кошмар на душе творится,

скорее бы Рождество. Когда ты вернулся, стало хуже. Сменил аватарку, только там у тебя такое лицо, что аж страшно. Фотка явно летняя – сидишь под соломенным зонтиком на безлюдном песчаном месте, уткнувшись подбородком в сцепленные ладони. Цвет твоих глаз, похоже, не меняется и от освещения не зависит – они всегда пронзительно голубые, но взгляд не выдает счастливого человека. Интересно, что же такого в твоей жизни случилось, что ты так смотришь в камеру? И почему мне нравится смотреть на тебя такого угрюмого? Почему я люблюсь тобой, хотя если объективно оценивать (сама не понимаю, как это делается, но есть же какие-то каноны красоты), ты выглядишь как обычный мужчина славянского типа. Обычный мужчина – такая редкость в наши дни!

Я мало интересовалась байкерами – гораздо больше они занимали Таньку в связи с любовью к экстриму и скорости, да и Настю, когда она стала увлекаться хипней и Пушкиной. И все-таки это меняет дело, как у Гришковца: образ женщины в окне становится не таким тоскливым, если мы знаем, что она ждет моряка или летчика, потому что женщина хорошая, ибо не будет стерва ждать моряка или летчика. Еще, как говорил лидер группы «Крюгер», байкеры – народ смелый, непоседливый, жаждущий приключений, общительный и свободолюбивый. Неужели я это придумала?

После того, как начала петь на клиросе, моим покровителем стал Роман Сладкопевец. Преподобный жил в шестом

веке, был неграмотным, но его поставили на клирос, хотя петь он не умел, нот не знал. Певчие высмеивали его. В один прекрасный момент так достали, что он ушел и долго молился Божией Матери, чтобы она вразумила его. Она явилась ему во сне, вложила в его уста свиток, и когда он проснулся, божественная премудрость осветила его. Вернувшись в храм на следующий день, он воспел гласом сладким кондаки собственного сочинения. С тех пор он написал около двух тысяч кондаков – так называется песнопение, отражающее суть праздника или краткое жизнеописание святого. Краткими кондаки стали в наше время, а тогда они состояли из двадцати-тридцати строк. Певчие, конечно, извинились перед Романом, поняв, что произошло и что вели они себя, мягко говоря, неправильно.

Роман Сладкопевец – любимец православных певчих, но я особенно прониклась после случая с руководителем нашего хора. Раньше к святым я была равнодушна, да простит меня Господь. Обычай ставить свечи мне тоже неясен – как-то не о чем молиться, ни к кому конкретному обращаться не хотелось, зачем носиться со свечами по храму, отдавая должное всем «знакомым» святым? Просто красивая традиция, жертва на храм, которую можно положить в ящик. Но чем дальше в жизнь, тем больше появляется любимых икон Божьей Матери, к которым я раньше тоже не питала особых чувств – ну Спаситель, Казанская и Боголюбская – вот собственно весь мой иконостас, если бы не мама. Она мне ре-

гулярно что-то подсовывала, причем ламинированные иконы ставила в красивые рамки, что меня раздражало – икона и так маленькая, а рамки сейчас до того красивые, что лики за ними теряются и впечатление такое, что у тебя не иконостас, а галерея фотографий дражайших родственников.

Ладно, понесло меня куда-то...

Твоя неизлечимая меломанка Крис.

15 янв.

Привет, черный рыцарь!

Глупо писать эти письма. Собственно, почему я так разошлась? Ведь осенью почти излечилась, узнав, что ты пусть и не женат, но девушка у тебя есть. А теперь усомнилась. Ты начал граничить друзей на лучших и родственников. Ни к тем, ни к другим ее не причислил. Не странно ли? На последней аватарке появилась метка: Египет. Уж не знаю, с ней ты был там или с кем-то еще, но счастья на лице не видно.

Никто никогда не доставал меня вопросами и разговорами о замужестве или прочей фигней, от которой страдали мои подруги. Наверное, всем ясно, что у меня иная дорога, но это я так думаю. А им ясно только то, что я на такое не гожусь. Быть нормальной женщиной я не в состоянии – у меня и справка есть. Недочеловек, инвалид. Ты ведь об этом не знал – может, таких историй в твоей жизни тысячи. Откуда тебе было знать, что меня такое отношение в очередной раз добьет? Поганно. Один не думал, другой не думал, все лю-

ди в целом меня любят, а в итоге получается байда. На душе одни ошметки ваших недодумок и недочувств.

Временами мне было хорошо с тобой. Дежа вю прошлой недели: сумрачный январь первого курса, когда я была влюблена и потерянная ходила по территории универа, боясь и мечтая встретить своего героя. Слушала «Металлику», которая пронизывала сердце сладкой болью одиночества. Девять лет спустя – те же забытые чувства и состояния, тот же город, только мне не надо каждый день бывать здесь: пару раз в неделю бассейн, раз в неделю богословские курсы, может, встреча с подругой, и нет надежды увидеть тебя. А если вдруг случится – мы не узнаем друг друга. Тот же серый и сумрачный город, та же безотчетная тоска на душе, только теперь у меня есть вера, храм, богослужения, проверенный способ борьбы со страстями. Не изменилось ничего, кроме надежды: в восемнадцать она была и давала силы жить, в двадцать семь и следа не осталось. Я даже не фантазирую на темы совместных счастья.

Интересно, сколько таких еще будет – призраков бездумных, случайных? Сколько неловкого участия и невыраженной признательности. Сколько потерянных друзей и потерявшихся возможностей. Сколько вины и виноватых. Мне лень ставить знаки вопроса – пусть звучит как утверждение: много. Недоброшенные камни в мой огород, неприцельные плевки в лицо. А такие все хорошие! Ясноглазые, с ангельскими лицами и голосами – разве сами подозревают о сво-

их грехах? Впрочем, это не грех – если человеку нужно почувствовать боль, он ее везде найдет, как свинья грязь. Господь не вменит вам греха сего. Как бы мне еще оправдаться! Видать, судьба – жизнь в придуманных сказках. Там никто не причинит боли. Там я сама – бог. Все создано мной и для меня.

Твоя наконец-то здравомыслящая Крис.

23 апр.

Привет, мистер Женатый Мужчина!

Успокоило окончательно посещение страницы твоей благоверной – выложила фотки с Египтом. Чуть позже она исправила слп, что замужем за тобой, а еще чуть позже у тебя появилась характерная аватарка. Буквально все, как поженятся, вешают на страницах свадебные фотки. Ты в косухе, она – в красном платье, с букетом красных роз. Вы хорошо смотрите вместе и довольно необычно – тошнит уже от пышных белых платьев и костюмов. Ну и слава Богу. Иногда я захожу к тебе и к ней, проверить, не выложили ли еще фоток со свадьбы, но пока ничего. Видимо, поженились вы незадолго до твоего дня рождения.

Интересно, если бы я вмешалась в твою жизнь тогда, в августе, как только нашла тебя, изменилось бы хоть что-то? Забавно, как буквально на моих глазах разворачивалась твоя жизнь. Бог отвел: я теперь едва могу общаться даже с верующими друзьями, а уж с неверующими и того тяжелее.

Мне надо двигаться дальше, потому что, когда долго стоишь, со временем откатишься назад – это закон. А у тебя, похоже, другая дорога.

На мой открытый вопрос Настя, когда я раскололась, предположила, что, возможно, за тебя надо было помолиться? За тем и напомнил о тебе Господь. А я, признаться, не сразу дошла до молитвы – все свои проблемы решить пыталась, со своими глюками. Вот что отличает влюбленность от любви! Разумеется, Господь знает наши нужды, но молитва нужна нам, чтобы очистить и умягчить сердце, соделать его достойным божественной милости. Эта молитва нужна мне, чтобы научиться любить. А я так поздно до этого додумалась! Прости меня. Быть может, тебе и впрямь тяжело – неспроста у тебя лицо такое загруженное. Ты улыбаешься не то, что редко... словно пытаешься, но получается только одним уголком рта, а выражение глаз не меняется. Даже на свадебных фотках. Впрочем, вы оба взрослые, сложившиеся люди, наверняка, уже жили вместе и просто дошли до загса узаконить отношения – какой уж тут праздник? Иногда человек ощущает молитву: я, например, часто чувствую поддержку материнской, но это особая статья. Может, и на твоей душе хоть немного посветлеет...

Иногда хочется вновь пережить прошлую осень. Думать о тебе, мало зная, сидеть на твоей странице, фантазировать и тешить себя придумыванием сюжетов – быть может, я их запишу? Идти домой вечером, в прохладе и сумерках, под

музыку Nickelback, Doro, Paradise Lost и узнавать себя в их простеньких текстах. Так хорошо и удобно – с рюкзаком за спиной, в капюшонках и кроссовках, в плюшевых зеленых штанах. Опять моя хмельная осень, опять я весело грущу! Приходя домой, включаю комп и – к тебе. Не знала я ничего про твою девушку, да и, читая твои статусы, даже мысли о ее наличии не допускала, а она была – не только все это время, а гораздо раньше, чем я нашла тебя. Я благодарна тебе за эту осень. Люблю иногда влюбляться. Хотелось – пожалуйста! Господь очень быстро реагирует на мои дурацкие желания. Собственно, других-то у меня и нет...

27-го апреля открывается мотосезон, чему ты жутко рад, судя по статусу. Великий пост на дворе, Лазарева суббота. Делать мне нечего, только думать об этом! Нет, я не хочу тебя там выискивать – это уж слишком. Не проблема пойти туда одной – это мое естественное состояние, да и не решусь я никого позвать с собой. Так и впечатления острее, и опасаться нечего, и не помешает никто.

Твоя убежденная холостячка Крис.

18 мая.

Весенний привет дорожным рыцарям!

Была на открытии сезона. Подняла себя без чего-то одиннадцать и почти сразу покатила в город смотреть на вашу колонну демонстрантов. По официальной версии я поехала в сэконд за домашними штанами: они мне, действительно,

нужны, но настрой у меня не шмоточный. Не скажу же я родичам, что поеду смотреть, как байкеры по проспекту прутся. По той же официальной версии я – человек благообразный.

Я не стремилась попасть на Площадь Ленина вовремя – вообще, что я там увижу? И что, собственно, надеюсь увидеть? В программе выступление официальных лиц – может, послушаю. В час – построение колонны, в час двадцать – выезд. Разумеется, без опозданий у нас нельзя, так что без меня не начали. Город жил привычной жизнью, будто не ведая, что происходит на центральной площади. Вдалеке ревели мотоциклы и толпились люди – я едва видела. Намотала пару кругов, но лучше не стало. Обращения официальных лиц я либо не слышала, либо его не было. Около часу я пристроилась рядом с кофейней, навалившись на ограду – скорее всего, колонна двинет по проспекту, а, значит, удачнее места не найти. Рядом стояла мама с двумя мальчиками. Одному лет семь, другого она держала на руках, и он начал ныть от долгого ожидания. Старший не хотел уходить, пока не посмотрит, как поедет колонна. Они видели куда лучше меня, поэтому комментировали все, что происходило на площади.

– Все, щас поедут! – поправляя малыша на руках, сказала мама.

Старший вытянулся в струнку и уставился в сторону площади. Первой выехала ментовская машина – это она все время мигала, а я думала, у кого-то байк такой расписной. По-

том помчалась колонна. По два мота самых разных марок и цветов, с пассажирами и без, с громким ревом и не очень. Возраст и пол наездников определить невозможно, не то, что конкретного человека разглядеть, не говоря уж о моих зрительных возможностях. Я знаю цвета твоей амуниции, когда ты ездил на Хонде, но теперь, на Ямахе – вдруг поменял? Колонна мчалась с такой скоростью, что и на мотоцикл внимания обратить не успеешь. Закрыла выезд другая ментовская машина. Рев растаял вдали. Можно расходиться.

Примерив пару тряпок для порядка, я поехала домой, ничего не купив.

Теперь я обращаю на вас внимание: когда байкеры проносятся по городу, если я еду в маршрутке или с папой, когда вижу мот рядом с магазином – сразу вспоминаю о тебе. Папа сказал, что только за эту весну, которая началась в середине апреля, по России погибло 1200 мотоциклистов. Жутко. Наверняка мгновенно и глупо. Мне порой интересно, что заставляет человека искать такие опасные удовольствия, и необязательно быть байкером – это сидит во многих. Моя подруга работает в промышленном альпинизме и без смеха рассказывает, как любят хорошие детишки дергать за веревочку, когда она висит на восьмом этаже. А вдруг кому-то взбредет в голову эту веревочку перерезать? Танька любит себя испытывать и бросать вызовы своей смелости: фаер-шоу, спелеотурзм, каскадерство, десятки километров на велике по трассе с тяжеленным рюкзаком за спиной. Труд-

но представить ее на одном месте надолго и уж совсем никак – курушкой-домохозяйкой за варкой борща, хотя и это она умеет. Вы бы, наверное, поняли друг друга! Я же все чаще благодарю Бога за свои зрительные невозможности: это меня от многого охраняет и во многом сдерживает, ведь порой действительно интересно узнать – кто ты, трус или избранник судьбы? Почему некоторые ощущают почти физическую потребность прогуляться по краю? Пощекотать нервы? От скуки? Вряд ли – в России скучной жизни не бывает. А я, раз упав с гамака, еле заставила себя залезть в него снова. Три недели болела спина, и я слишком хорошо запомнила эту боль.

Тысяча двести за полтора месяца. Понятно, что и в машинах бьются, и не только автомобилисты знают об этом. Но машина – это удобство, от нее не отказываются, не смотря на опасность. А байк? Всего полгода кайфа, а зимой – ломка. Удобство только для одного и то во многом, скорее, жертва. Подруга, работающая в Москве, в британской компании со строгим дресс-кодом, рассказывала, есть у них байкер, приезжает на работу как терминатор, а потом переодевается в цивильный костюм и фиг догадаешься, чем парень живет. Неужто в машинке не лучше – сел хоть голый, а если дама – одеться можно совсем не так, как если бы ехала на маршрутке, да в машине еще и накрасилась бы. Скорость, ветер и вибрация мотора так пленяет ваши сердца? Или именно адреналин? Философия, независимость, одино-

чество? Интересно было бы поговорить с тобой.

Тысяча двести. Знаю, у вас есть дурацкие приметы, чтобы дорога была удачной: стукнуть шлемом об асфальт, а если его уронишь – плохо. Надеюсь, ты в это не веришь. Да просто произнеси: «Господи, даруй мне печать дара святого духа на все мои пути и дороги». Теперь есть, кому за тебя молиться...

Твой комиссар Мегре в отставке.

8 июня.

Привет, искатель приключений!

Ты прав: лето – это маленькая жизнь. Проще в плане одежды, передвижений, меньше клонит в сон, хочется быть активной и жить. Дождь стал наводить на меня тоску, а солнце я полюбила. Я привыкла к юбкам, чувствую себя девушкой, и мне это нравится. Может, потому, что я все-таки нашла свое призвание? Я успокоилась и стала увереннее. Что до призвания, год в музыкалке мне не помог – я, по-прежнему, бездарность и не знаю, что делать дальше, куда бежать, к кому обращаться. Вдобавок голос стал хрипнуть без повода и причины. При пении звучит тускло, и даже чтение дается с усилием.

Повесил в «контакте» фотки супруги, как я заметила, – иногда захожу в гости. Альбом озаглавил просто: «Жена». Она в теле, круглолицая, сероглазая, с прямыми русыми волосами. Не мисс мира и даже не мисс Могилев. Меня боль-

ше занимает интерьер: афиша «Мельницы» на стене – концерт в декабре 2006го. Одно из самых жутких воспоминаний: сестра в больнице, с подругой поссорились, мне все до лампочки. Барабанщик швырнул палочки прямо на мою ключицу, а публика была такая противно взрослая и понтовая, что я встала с насиженного места да так и простояла в толпе весь концерт, не двигаясь, ибо танцевать и рубиться не хотелось. Даже улыбка была непосильна. Но сидеть и слушать за спиной шиканье отказалась. Значит, ты был там... Мы могли встретиться на год раньше. А толку! Хоть что-нибудь урвать из этой нелепицы. Хоть что-нибудь...

Хочу отдохнуть: посмотреть тупые фильмы и над чем-то посмеяться. Почитать художественную литературу – не религиозную, не на английском и не жутко умную, не по филологии или по стилистке, хотя к этому хочется вернуться и языками надо заниматься, но не сейчас. Летом нет настроения трудиться. Быть может, это долго не продлится, скоро отупение мне надоест, и я вернусь к привычному ритму. Трудно поверить – в этом году я целиком ни одной книги не прочла!

Мне нравится, что можно писать тебе даже о таком личном – ты все равно не прочтешь и даже не узнаешь, что я пишу тебе. Хотя, быть может, ты не настолько далек от этого? Что можно узнать по закрытой странице в социальной сети? А мне хотелось бы знать самые простые вещи, вроде: какой твой любимый фильм, какую книгу ты готов перечи-

тывать каждый год, какая песня причиняет тебе боль, напоминая о прошлом и том танце, которого не будет никогда, по Гришковцу, и какая «та самая женщина», в кого ты был влюблен в институте и когда впервые сел на мотоцикл. Но я никогда не спрошу, а ты не ответишь – даже если мы каким-то чудом встретимся. Ты теперь женатый человек, и для подобных вопросов слишком поздно. Поговорить не с кем, поэтому я обращаюсь к тебе. Просто обращаюсь, как к придуманному персонажу. В конце концов, я вовсе не уверена, что не выдумала тебя...

Ты, наверное, не слышишь музыку в городе? Если на байке едешь – разумеется, нет, ведь ее можно услышать, когда гуляешь по улицам или ждешь транспорта на остановке. Не помню, давно ли появилось у нас это «радио город». В общем, приятная штука, хорошую музыку передают. Так вот я постоянно слышу там Рахманинова – ту самую мелодию, которую нашла в аудиозаписях твоей жены. Вокализ для фортепиано, до-диез минор, оп. 34. Она теперь ассоциируется исключительно с тобой и с той осенью, хотя тогда я ее не слушала, а когда услышала, все так и нахлынуло. «Что все?» – спросил бы ты. Тогда внутренняя жизнь была настолько динамичной и наполненной, будто между нами действительно что-то произошло, и ты был в моей жизни не виртуально, а по-настоящему, как ни один реальный человек в ней никогда не присутствовал. Чудо из чудес, но со мной всегда так: впечатления от музыки и книг казались мне более фунда-

ментальными, чем от пережитых событий, от свершившихся фактов. Самых дорогих друзей я придумываю, а реальные остаются недопонятыми, недочувствованными. Это просто люди, с которыми раньше общалась раз в неделю по три часа, еще раньше – пару раз, а в юности – при каждом удобном случае. В порядке вещей послать смску вроде: *как на счет проветриться? Может, увидимся? Какие планы на вечер? Можно к тебе зайти?* Десять лет назад с Танькой мы проводили почти каждый день и не надоедали друг другу. Мы не только слушали музыку, играли в карты на крыше, пили колу в библиотеке и философствовали, шляясь по лесу, мы и по магазинам вместе ходили, и ночами по району шастали. Только в ролевки я не лезла, а когда они начались, у Танюхи появилась куча новых друзей. Их всегда было много вокруг нее – она общительная и легко находит контакт. Мне же достаточно одного или двух, но близких. И все равно я была особым человеком в ее жизни. Возможно, осталась им до сих пор. Как и она в моей, разумеется. Просто потребности друг в друге мы уже не ощущаем, видимся раз в месяц, и жизни наши почти не соприкасаются. Наверное, тебе такая ситуация более чем понятна. Среди Танькиных знакомых много мужчин твоего возраста и старше и, по ее словам, общаться с ними – все равно, что читать энциклопедию, только в сто раз интереснее.

Общение никогда не оправдывало моих ожиданий и больше брало, чем давало, поэтому приходится придумывать се-

бе друзей. Никто не виноват, просто я слишком закрыта. Девушка-Спящий-Вулкан. Раньше хотелось, чтобы кто-то разбудил меня, хотелось выплеснуть боль, разобрать душу, наконец-то выговориться, всю себя раздарить... А потом думаешь: зачем? Это ведь эгоистично. Получается, друг или любимый человек нужен только, чтобы муть со дна колыхнуть? Для выплесков у меня есть творчество, причем в достаточном объеме и разнообразное по форме.

Твоя отупевшая Крис.

11 февр., 2014

Привет, выноситель мозгов!

Как подумаю о тебе, сразу портится настроение. Сотни раз проигрывала нашу возможную встречу в воображении и на бумаге. Порой вспоминаю время своей влюбленности и храню в сердце эти воспоминания, как одну из своих тайн, и каждый раз, когда слышу в городе Рахманинова – пусть даже с этим сопливым монологом о любви – слезы наворачиваются на глаза, будто у нас что-то было и грустно закончилось.

Я немного завидую тебе и, видимо, именно этот дух свободы хотела вместе с тобой присвоить себе, подышать им. Байкеры – это фетиш, как длинные волосы и косуха. Ах, косуха! Символ, мечта детства – теперь висит в каждом бутике, сшитая китайцами из обработанного полиэстера, только разные лейблы наляпаны. Черепа и кресты разве что ниж-

нее белье не украшают, заклепки, как у толкиенистов, – в самых неожиданных местах, а клетка уже года два на пике моды. Про драные и тертые джинсы можно не заикаться. Кстати, ботильоны очень напоминают мотоботы, а сапоги на шнуровке носят даже самые поповские девочки. Футболки с фэйсом Джима Моррисона стали трендом. Представляешь? А раньше мы выделялась из толпы, чувствовали себя брутальными! Разве мечтали мы о таком? Даже в плане доступности? вряд ли... ну да ладно, опять отвлеклась на женский бред. С шипами я уже купила, могу себе позволить и классическую. Даже переливающаяся синяя есть – элегантный такой пиджачок. Теперь бы наше знакомство точно не состоялось.

Мой мир населяют призраки прошлого. Я живу прохладой снов, на грани реальностей. Я окунулась в твой мир – мне там понравилось. Сознание преломило его в собственные сказки – получился новый. Я благодарна тебе, хотя, быть может, поняла его не так и увидела не то, что ты показывал. Разумеется, не мне, а потому не проконтролируешь. Возможно, никто и не увидит моего преломления.

Твой мир любит лето и дальние дороги, интересуется другими людьми и хорошими книгами. Ты вырос в развалившейся стране, не оставившей ни идеологии, ни пути в будущее. Все пришлось создавать самому и, если бы не увлечения, – легко уплыть в неизвестном направлении. Должно быть, ты помнишь всякие мелочи и порой ностальгируешь

по той стране, где пили газировку из одного стакана и знакомились в трехчасовых очередях за хлебом.

Годы спустя я буду вспоминать подсмотренные у тебя цитаты, любимые тобой книги, мои паранойи и дерзости. Я уже скучаю. Скучаю по тому, кого никогда не было в моей жизни и по тому, чего никогда не было. Удивительно, какие следы на душе оставляет человек, ни разу до тебя не дотронувшийся!

Положа руку на сердце, я не жалею о своих любовях, как на подбор невзаимных. Удивительно, конечно, как это люди встречаются, влюбляются и женятся? Такие сказки не про меня, и если бы не видела реальных примеров, я бы и не поверила, что так бывает. Я – кладбище разбитых надежд. Я уже не верю, что меня ждет что-то хорошее.

Твоя модная, зрелая, но глупая Крис.

31 марта, 2014

Вечно вдвоем – так не бывает,
Жизнь – водоем, и все уплывает...
Торба-на-круче, «Водоем».

Привет, свободный воин!

Все, что угодно, могла предположить, когда снова скатывалась к мыслям о тебе, но такого... воистину, дивна дела Твоя, Господи! Хотя с трудом верится, что за таким стоит Господь – скорее, наши пороки, подогреваемые противоположной силой. И все же, удивляться христианин не переста-

ет. Цинизм, чувство реальности, каменное сердце – все размокло и поплыло с Божией помощью, силой покаяния. Я ожила, хотя успела умереть слишком рано. Теперь мне снова восемнадцать. Если бы я не знала своего возраста, именно эту цифру я назвала бы сейчас. Покатай на моте, ты все равно никогда не поверишь, что я кошелка!

Не знаю, что понесло меня на страницу к твоей жене – может, фотки выложила, я бы на вас посмотрела. Нет, бывает она там редко, аву не меняет уже год, а семейное положение сразу исправила: помолвлена. То замужем за тобой была, что за глупость? Иду обратно к тебе – альбом «Жена» стал называться «Бывшая жена». У нее новый город, у тебя – «дорога в небеса». То ли ты рад свободе, то ли открытию сезона, то ли просто вспомнил «цепеллинов» – не знаю. Куда катится этот мир?! Год назад поженились... впрочем, мой дружбабан прожил с женой месяц после свадьбы, а до – шесть лет. В чем тут причина? Вероятно, она тебя кинула ради другого. Радоваться и надеяться на что-то я не могу – мне кажется, тебе плохо. Интересно, все-таки ты был женат впервые или еще имеются опыты? Как же наши бабушки и дедушки, наши родители создавали семьи с первой попытки и жили до золотой свадьбы в мире и согласии? Почему мы так не умеем? Только у верующих я это вижу, а остальные живут так, что этот мир и приближается к логическому концу.

Я не думала, что Даша окажется легкомысленной и влюбчивой, но определенно впечатление о ней у меня было, как

о натуре своенравной. Копаться в чужих душах и головах не собираюсь, если доподлинно ничего неизвестно, а прояснить некому.

Вероятно, долго ждать «любви» тебе не придется. Вот только что это будет за любовь и устраивает ли тебя такое? Почему-то не хочется думать о байкерах плохо, тем более сводить конкретного человека, образ Божий, к какой-то касте, даже если она и неплохая. У меня есть три причины уважать вас: за обращение «братья и сестры», за смелость и сплоченность и за нетолерантность. Коробит зависимость – пусть даже от скорости, секса и путешествий. Как ни зайдешь в мотогруппу, обязательно увидишь фотки обнаженных красоток на мотоциклах. Впрочем, разве их не увидишь в обнимку и с гитарами? И все же мне не хочется представлять себе разнузданные оргии в стиле ангелов ада и верить в то, что ты считаешь это свободой.

Что важно для меня – история, похоже, не закончилась. Нет, я не кинусь добавлять тебя в друзья, напрашиваться на знакомство и строить из себя восемнадцатилетнюю сви-стужку, чтоб по проспекту покатал. Если ты меня и вспомнишь, для тебя и возраст секретом не окажется. Я ничего не стану менять – разведенка не предел моих мечтаний, но изучая священное писание и видя, как воля Божия свершается в веках, я заинтересовалась. Мне ж сейчас все объясни, вынь да положь! Господь никуда не торопится, Его пророчества и через восемь веков сбываются. Быть может, и я

про свою жизнь хоть что-то пойму. На это появилась надежда, а не на совместное счастье. Я вовсе не уверена, что я бы этого хотела.

Если бы у тебя было подключено приложение «Мои гости», и ты спросил бы меня однажды: «девушка, почему вы так часто сидите на моей странице?», я бы ответила: «я влюблена в вашу страницу! Мне тут нравится. И вы мне нравитесь». Теперь стесняться нечего – я не желаю чужого мужа, и это облегчает жизнь. Я вообще не желаю, я просто пытаюсь найти доказательства своей веры в конкретного человека.

Наверняка ты бы удивился, узнав, что где-то в этом городе есть девушка, поющая в сельском храме и машущая шваброй в библиотеке, влюбившаяся в тебя по интернету, хотя семь лет назад вы познакомились в реальной жизни. Эта девушка никогда не путешествует, у нее почти нет друзей, она живет незнамо чем, но чему-то радуется. Она не смотрит телевизор и не интересуется политикой, не любит сладкого и ходит в бассейн пару раз в неделю. Читает мало, много спит, и ничего в ней примечательного нет. Она не красива, носит очки, у нее нет пышных форм и ростом она выше тебя. Таких ценят как товарищей, но семью с такими создавать не хочется, а было бы благоразумно, ведь такие верны до последнего и не летучи. Не факт, что сами эти замухрышки мечтают о таком уделе. Быть может, даст Бог расцвести и принести плод во сто крат? Как это было бы прекрасно, наверное...

Твоя озадаченная Кристи.

2 апр. 2014

Привет, беспечный ангел!

Люблю, надеюсь, жду. Без оснований, без страха, но с над-
рывом. Пост. Всегда ты не вовремя, и пора бы понять – это
искушение, не более. Никакого смысла, надо все победить,
но не могу и не хочу.

Люблю. Признаюсь себе в этом легко и снова пускаю в ду-
шу надежду: а вдруг? Может, уже хватит влюбляться абы
в кого? По словам Насти, влюбиться и ничего с этим челове-
ком не построить – все равно, что съесть вкусное и сплевать.
Она права, наверное, но она влюбилась впервые в двадцать
восемь и сразу взаимно и с тяжелыми последствиями. Что
тут говорить? Права, если что-то было. А если ничего не бы-
ло? Что я, собственно, сблую, если ничего не съела, а толь-
ко заглядывалась на ломящиеся от кушаний столы? Надое-
ло. Зачем тогда всплыл? Поискушать можно любым незна-
комцем с куда более привлекательной страницей – мне мно-
го не надо, воображение богатое. Не стыкуется, не клеится,
не понимается, а потому опять надежда.

Недавно услышала в лекции отца Даниила Сысоева: ко-
гда не полагаешься на человека, можешь любить его по-на-
стоящему, как образ Христа. Не каменную стену, не опору –
Господь прямо говорит, проклят тот, кто надеется на людей.
Да я пою это каждый день: *Изыдет дух его и возвратится
в землю свою, в тот день погибнут вся помышления его.* Вот

и не надеюсь. Мне есть, на Кого надеяться, и Он не подведет. Тебя же я просто люблю. Все эти нестроения перечеркивает взгляд, в котором грусть мешается с пустотой. Не знаю, правильно ли я прочла, но мне кажется, так смотрит человек, пытающийся поверить, что в этом мире еще есть, чем жить. Еще можно протиснуться и что-то для себя найти – смысл, радость, цель, пока не развалится радость за радостью, пока не поймешь, что материальное и земное приносит, в конечном счете, только уныние. Дойдешь до края пустоты и воззовешь из глубины. На краю пустоты страшно – я знаю, была там, и не хочу ничему никого учить, проповедовать, предсказывать, вести. Что до мужчины – пусть он меня ведет, а я хочу быть маленькой и глупой. Но если не получится, я хотела бы встать рядом с тобой, когда ты откроешь дверь души Богу. Я хочу пережить с тобой эту ни с чем не сравнимую радость, первые сомнения, метания, видеть твою решимость и сознание того, что нет иного пути. Хватит ли воли? Если Господь освятит разум и сердце, хватит всего, и направлена она будет куда нужно. Ты же воин, носишь смерть за правым плечом. Вряд ли ты никогда всерьез о ней не задумывался – надо быть совсем отмороженным. Может, у тебя даже есть какие-то представления о загробной жизни типа вечного сезона погибшим мотоциклистам. У каждого свой ад, а к раю надо привыкать уже здесь.

Любовь – это не чувство, а волевое усилие. Сегодня я точно это поняла. Заведующая библиотеки – я там подрабаты-

ваю – спросила, чем я занимаюсь в свободное время. Я ответила, что его у меня почти не остается, готовлюсь к службам – постовые совсем другие, надо много читать.

– Ну, мне кажется, это надо любить...

Разумеется. Но так ли уж я люблю? Прихожу домой после шести уставшая, поем, повалюсь, соберу глаза в кучу, потолкусь по комнате, настроюсь на нужный лад. Открою триодь – купила на ярмарке постовую богослужебную книгу, легче стало жить. Там каждый день поста расписан – что читаем и поем. Прочту стихиры, размечу цезурами, пропою раз, другой, а то и третий. Книга на церковно-славянском, сразу во многое не врубишься, не все разглядишь. Гласы стихирные (восемь напевов, на которые накладывается текст) я еще плохо знаю, путаюсь в них, язык спотыкается на ударениях. Думаешь, легкое это дело? И еще не факт, что я правильно разметила – может, завтра окажется, в нашей триоди все по-другому, но хоть успею просмотреть, пока будут читать часы. А часы? На них постом читают псалтирь – тоже непростая книга. В прошлом году я не знаю, как меня вытерпели – ошибалась на каждом слове, ударения ставила, где придется, читала, сама не понимая что. Приходится чуть ли не учить нужные кафизмы, чтоб не мешать людям молиться, а помогать по возможности. Вовсе мне не хочется тратить на это вечер, а если еще и глаза устали за день, и вообще не высыпаюсь – как всякий менеджер среднего звена, после работы попялилась бы в монитор. Развлеклась бы, как и вы-

разилась начальница. Ты, говорит, раз телевизор не смотришь, в интернете развлекаешься? Развлечение – это снятие влечений, а влечение у нас по-хорошему одно: к Творцу. Дух ищет Бога, его должно куда-то влечь, а своими развлечениями мы маскируем пустоту и порождаем уныние.

Иногда хочется, когда усталость накатывает, почитать пустую книгу, посмотреть простенький фильм, послушать легкую музыку. Ослабить влечения. А у меня теперь нет времени развлекаться. Можно сказать, это я и делаю на второй работе – тупая, однообразная, не выносит мозг. Пишешь всякую ахинею, не ведая, кому оно надо, кто это будет читать и проверять. Госучреждение, круче школы и больницы. Вот там я и развинчиваюсь. Прихожу домой – и свинчиваюсь обратно. Есть такие вещи – для всех и каждого взрослого человека, обремененного хоть чем-то, – которые надо делать, хочешь или нет. Как сказала моя сестра, я уже давно не задаюсь вопросом, лень мне или нет – надо сделать, значит, делаю. Так можно многое полюбить. Даже человека – в принципе, любого. Просто заставить себя разглядеть в нем хорошее.

А тут – молитва. Как тело голодает без пищи и деревенеет без движений, так и дух задыхается без молитвы. В пост для него – настоящий пир! Псалтирь – сильная штука, проверено электроникой. Такую немислимую дурь выбивает из башки, диву даешься. А пока поёшь, сквозь тело проходят вибрации, что весьма полезно, расслабляет и исцеляет. Почитаешь, попоешь – душа на место становится: успокаивает-

ся, светлеет, влечется к Творцу и начинает любить и пост, и молитву, даже в принудительном порядке. Расцветает, раскрывается. А так, люблю, не люблю... что мы вообще-то любим, кроме душетленной гадости? Даже тело приходится пинать на тренировки, но оно благодарит за это хорошим самочувствием и настроением. А, по совести сказать, охота корячиться? Нет, так бы и лежала на диване с пачкой чипсов. В бассейн бы ездила в снег и зной и дождик проливной? А зачем – и так не толстая, ну его! Но полюбила – усилием воли, даже через лень и боль. Тело быстрее закрепляет такие состояния – вот бы душа так же полюбила б молитву, и каждый вечер, в одиннадцать – становись! А не откладывать до тех пор, когда глаза уже не открываются и голова не соображает. На Тебе, Боже, что нам не гоже. Вот и вся любовь.

Так и царствие Божие нудится, и любовь в себе приходится возвращать, сердце очищать и волю поворачивать куда надо. Даже если разум к Богу развернул – не все сразу получится. Чувства в женской природе так культивированы поэтами и масмедиа, так закреплены в теле, что срослись с душой. Мне непросто. Всего пару раз я почти со слезами возопила: Господи, убери его от меня, я понимаю, что это все чушь и выдумки, ни к чему хорошему не ведущие! Его – значит тебя, а тебя и так рядом нет. Из сознания просила убрать, из головы, из жизни. Всего пару раз. Если бы всерьез об этом помолиться – неужто Господь не помог бы? Неужто Ему нравится меня мучить? Но я просто не хочу. Молиться

вместо того, чтобы собеседовать с помыслами. Думать о спасении и стяжать покаяние вместо того, чтобы думать о тебе, мне ведь известно, от чего я отказываюсь – два года назад Господь открыл мне вкус этой почти монашеской жизни. Позапрошлый великий пост оказался во многом поворотным, и такой свет познала душа, такую радость и сладость, по сравнению с которой вся полнота мирской жизни – ничто. Ты же – один надрыв, боль... бесконечный вопрос и терзание, страсть, метания, жалость – чаще к себе. Так раз мечтаешься, потом себя не найдешь, от уныния не отмоешься, голова разболится, жить не хочется. Надо ли еще что-то говорить?

Мне бы только попросить: Господи, дай мне еще раз прикоснуться к тому свету, которым Ты меня окутал два года назад, когда я была уже уверена, что я – невеста Христова, что другой дороги нет и не желаю ничего больше знать. Один взгляд в небо заменял все, а вне храма рушился мир, но мне было все равно. Я тогда ничего не понимала, служб не знала, но самого ощущения благодати мне хватало выше крыши. Дай только прикоснуться еще разок...

Но сердце молчит, полное тобой. Идоли язык серебро и золото. И другие люди. Я променяла Божий дар на яичницу без яиц, пардон за пошлость. Покаяния несть во мне, Боже. Но все-таки убери его от меня – мне ведь есть, что терять. Я не могу пробрасываться жизнью вместо того, чтобы посвятить ее Тебе.

Твоя по принуждению трудолюбивая Крис.

8 апр.

Привет, вечный вопрос!

Сказала батюшке после исповеди о своей «мучительной влюбленности» и занятости мыслей «одним человеком».

– А смысла так и не поняла – к чему вдаваться в подробности? Со стороны, как правило, ничего не виднее, а исповедь не психотерапия.

– Да, – вздохнул батюшка, – может, и не нужно это все...

Я ожидала более жесткой реакции или более фундаментального интереса, но казалось, батюшку моя проблема не слишком заняла. Может, и не нужно, а, может, и ничего...

12-ого апреля открывается мотосезон. Опять Лазарева суббота. На том же месте в тот же час. Не знаю, зачем, но хочу пойти. Стать на мгновение причастной к твоему празднику. Подышать одним воздухом. Посмотреть на олицетворение свободы – такой недоступной, такой притягательной, антуражной, красивой. Смелой и безрассудной, которой у меня никогда не будет и которую со мной никто не разделит.

Я учусь быть одна. Нет времени даже затосковать по этому поводу. Есть две работы, деньги, которые не на что тратить и уже ничего не хочется. Странное и новое для меня чувство – прихожу в магазин и могу сразу купить, что понравилось, расплатившись карточкой, и как будто не тратишься, ведь незаметны деньги на карточке, а наличности этой я

в глаза не видела. Можно все. Только безразлично. Привяжешься к земле, обустроишься хорошо, какое уж тут христианство? Что от веры останется? Ты вместо молитвы. Если бы в храме не служила – пиши пропала.

Знакомился со мной один парень в маршрутке. Похоже, милый мальчик, но слушает рэп и шансон. Потерял телефон по пьяни. Все ясно – не наш уровень. Почему со мной такая шелупонь знакомится? Слава Богу, редко. А если не шелупонь, то исчезает навсегда. Где же ты, где? Мне кажется, в частном доме с гаражом. Интересно, ты теперь там один, с хорьками и котом? Судя по «контакту», дома ты бываешь и есть время даже в интернете сидеть, чем я теперь не могу похвастаться. Тебе бы со мной было скучно: я не вылезаю из своей деревни, словно нет вокруг большого прекрасного мира. Последний раз путешествовала в Питер в 2006-м. Святые места в счет? Недалеко и ненадолго. Мало читаю и почти разучилась говорить. Может, и не нужно это все? А, может, и ничего... Я больше не вешаю на твой образ свои проблемы. Я пытаюсь убедить себя в том, что, если бы даже мы друг друга нашли, я бы стала номером, а в моем понимании номером можно стать только первым. Ты бы сравнивал меня с Дашей или еще с кучей девиц, бывших в твоей богатой жизни. Я была бы номером 254?

Это так больно, так унижительно, особенно если бы ты стал первым и единственным. Нет, не пойдет. Дело не в самолюбии, не в брезгливости, а в том, что я никогда не вы-

держу сравнения, а полюбить меня так, чтобы я стала первой и единственной, ты не сможешь. Ты любил свою Дашу, а она, похоже, не поняла. Укатила в Могилев и помолвилась с другим. Чужая жена – потемки. Нет, второй номер на мотоцикле – это не в жизни. Так больно бывает только от собственных сказок и фантазий. Господи, ну зачем я узнала, что ты свободен! Ведь уже почти выбросила из головы, поставила жирный крест. В моих фантазиях ты, скорее, овдовел бы, чем развелся. Куда смотрел? Строишь ли из себя жертву? Или все вообще не так? Господи, ну зачем?!

Твоя влюбленная графоманка Крис.

13 апр.

Скажи же, какими судьбами мне ждать нашей встречи?

Куда направлять иноходцев в надежде найти?

Торба-на-круче, «Монолог».

Привет, заноза в мозгу!

На открытие сезона не поехала – смысл? Даже если ты там был – пролетел и нет. Да я ничего толком и не увижу. Ехала в маршрутке на курсы и смотрела на вашу колонну. Жижее, чем в прошлом году. Мама говорит, мероприятие показывали по телеку, предупреждали, что теперь на дорогах порядка не будет. Всех вы достали, никому вы не милы. Распутники, развратники, нажираетесь, а потом собираете деньги на сожженные клубы. Смотрю фотки с ваших тусовок – пи-

во, сигареты, увядающие крашенные девицы, разодетые кто во что горазд. А если молодые – тоже байкерши, а не придатки к мужьям. Что мне, девушке из храма, делать там? Я не курю, не матерюсь и считаю это нормальным. Старомодная серая мышь. Ненужно это все. У тебя своя жизнь, а моя – искуплена кровью Христовой, я же готова все пустить под откос, поддавшись чувствам. Девка глупая...

Все же местами и временами это лучше, чем жить, как жила прошлый год и все, что случилось в нем, – не со мной. Я выкладывала эти письма на «Красках грусти», и комментировал их мужчина, твой ровесник. Пишет: «Может, он только и ждет твоей инициативы, решайся! Он хорош (тут мне стало приятно – эх я тебя расписала!), и ты его достойна». Я достойна?! Это я-то? Кто кого достоин еще... не стала отвечать, что ты женат, что нет смысла проявлять инициативу, которой ты уж точно не ждешь. Смотрю, вступил в группу «Покатаю на мотоцикле, девчонки, прыгайте!» Мотознакомства. Села – дала, уронил – женился. Сбил – обвенчались? Ага, щас... я тебя не достойна, а вообще не та, которую ты ищешь. Хотя откуда я знаю, что ты ищешь...

Грядет страстная седмица – последняя неделя Великого поста, хотя она уже вне поста. Я обещаю себе не заходить на твою страницу и вообще поменьше заглядывать в «контакт». Надо читать Евангелие и молиться, начинать готовиться к экзаменам на курсах, читать книги.

Твоя пытающаяся стать благочестивой Крис.

22 апр.

Христос воскрес!

Стало спокойнее. Мучительность моей влюбленности отвалилась – может, благодаря покаянию или окончанию поста, или, что самое главное, наступлению праздника праздников и торжества из торжеств. Мне нечего сказать тебе, кроме этого приветствия, но ты глух к нему. Была на твоей странице – в пасхальную ночь ты, вероятно, сидел в интернете, новое видео на стене добавлено в 2:54. Должно быть, тебе грустно и одиноко.

А мы всей семьей причастились, по доброй традиции, хоть папа и конвоируется в храм, но меня это не так коробит. Все-таки относительно многих это такой шаг! Пришли домой около трех (устали страшно), разговелись, чем Бог послал, и отдыхать легли. Однако долго спать в святой день не смогли, я проснулась полдевятого. Выбралась к друзьям, которые рады меня видеть и которым рада я. Мне нравится просто видеть их, чем-то делиться. Общение стало поверхностным. Сейчас никого не соберешь и общаться мы будто разучиваемся, а не научаемся. Когда ты моложе, все лучше знаешь и острее чувствуешь – вероятно, потому, что чище, и разум еще повинуется Богу, а не вожделевательной сфере, хоть сам о том и не подозревает.

Помню, в прошлом году пасхальной радости у меня не было, и я больше печалилась, что пост кончился. Теперь не пе-

чалюсь, ибо пост провела плохо – слава Богу, кончился. Но живу я пока еще осторожно – в постной памяти: не тянет на фильмы и светские книги, на изобильную трапезу или шопинг. Только теперь это не скорбь, а желание сберечь радость, дабы не растерять ее в суете мирской.

Днем уже под двадцать, а ночи такие дурманные! Господи, как же дивно Ты все создал! Не надыхаться. Осенью тоже, но там по-другому, хотя так же опьяняет. Что Ты растворил в воздухе в это праздничное полнолуние? Что за наркотик жизнелюбия и надежды на лучшее?

Зашла на страницу твоей бывшей жены – аву поменяла, не прошло и двух лет. Ты спрашиваешь: «Кто тебя фоткал?», а она отвечает: «Молодой горячий фотограф» – куча смайликов. Потом вклинивается, видимо, фотограф – 91-го года рождения, уточняет, такой ли он горячий. Она пишет: «И очень нежный кстати!» Смайлики шеренгой, жизнелюбие так и прет. С твоей стороны – ни одного. Она ни одной аватарки твоей не лайкнула, а ты следишь за ее страницей, пишешь, хоть она и бывшая, и признания твои на ее стенке еще живы. Мне больно думать, что ты сидишь один в своем доме, торчишь в интернете, возможно, просматриваешь сайты знакомств в поисках одноразовых дам, а на сердце тоска, обида и горечь. Мне жаль, что так вышло, и в мою жалость вкрадывается гордыня: мне сюда дороги нет, я не дашезаменитель, не номер, не очередная... Единственной и любимой мне в твоей жизни не стать, так что нечего и помышлять –

как не помышляю о водительских правах со своим зрением. Любовь моя светла, пусть не совсем чиста, но ты не для нее. Видимо, русская женщина и впрямь без жалости любить не может.

Доколе, Господи, терпиши все? В первую очередь меня. Мои диалоги об одном и том же, которые ничего не проясняют, а только усугубляют ломку; отговорки от молитвы, потому что стыдно и лень; чаяния по поводу того, что ничего у меня в этой жизни нет, хотя Ты обсыпал меня талантами, которыми не знаю, как распорядиться. Служу Тебе надтреснутым голосом спросонья, с ошибками – не смешно ли?

Режут глаз похабные слова светской литературы – захватывающей, увлекательной, написанной почти моей ровесницей. Что в подъезде, что в книгах – одни словеса, чем сразишь? Разве что Твоим присутствием, Твоей правдой, Твоим промыслом о каждой жизни. А я человек грешный, причем настолько... как я смею вообще о таком писать? Нет, избави! Но просто нельзя Тебя не хвалить, соприкоснувшись с Твоей славой. Я отражаю ее, как могу, если от избытка сердца глаголют уста, и мне хорошо говорить не только о Тебе, но и с Тобой, даже не молитвой, а своим бредом. Мне легче, а Ты и так все знаешь.

Не твоя ожившая Крис.

Маски одиночества

Опять наваливается темнота, и портится настроение, как подумаю... хочется большой и чистой любви для маленькой меня. Хотя бы ненадолго. Мне кажется, больше десяти лет мир не простоит, а через три года вообще катавасия начнется. И это не связано с близящимся днем рождения и привычкой все видеть в черном цвете. И не в том дело, что нет больше чувства «вся жизнь впереди». Какой там, двадцать восемь скоро. Не кажется, что на мою долю уже выпало достаточно счастья и ничего хорошего со мной не произойдет. Не помню я, что уж такого выдающегося и счастливого на мою долю выпало. Вот и жду все чего-то – когда-нибудь должно оно выпасть?! Когда же? Если небо свернется, как свиток, и луна не даст света своего.

Я вам еще позвоню! Козел! Ненавижу. Разве из-за одного невыполненного обещания семилетней давности я должна чувствовать себя никому ненужной? Ничего я никому не должна. Не страдаю больше манией сделать из себя красотку – тренироваться нет сил и времени, да и похудела, так что все меня теперь устраивает.

Если появится кто-то, кто полюбит, он меня оценит... как залежавшийся на полке товар, а я так захочу перемен, что польщусь на первого встречного, способного оценить. Хоть кто-то, спасибо. Полюблю за его любовь ко мне, тоже оценю.

Это должно все объяснять, радовать и воодушевлять? Противно от таких сентенций, лучше уж всю жизнь одной. Причем совсем – не только без второй половины. Без друзей тоже. Мы так безнадежно отстали от жизней друг друга, что вернуться невозможно, и неинтересным будет это возвращение. Из универа – две. С одной раньше виделись раз в неделю, потом раз в две, раз в месяц, а теперь и вовсе от случая к случаю, и я не скучаю, не желаю делать вид, что мне интересна ее выдуманная жизнь в интернете. Еще одно одиночество, вариант номер двести тридцать семь. По московской подруге скучаю – видимся раз в год, а то и реже, наговориться не можем. Ее сжирает и сжимает этот большой город, хотя никто не вынуждает – собственный выбор: с работы – в институт, на выставки и концерты, сессия при отсутствии отпуска, фехтование, бассейн, какие-то курсы, то финский, то бизнес. Одиночества она не ощущает – в такой гонке еле доползаешь до кровати.

Вижу его онлайн и чувствую – скоро психану, плюну на все и добавлю в друзья. Нормальная девушка уже давно бы это сделала, но не Амели. Я уже два года не могу нажать одну кнопку. Вспомнит ли он меня? Напишет ли что-нибудь? Что рассказать о своей жизни? Скажет, нарвался на монашку. Я боюсь – непонимания, неверия, богохульства. Все это убивает, оскорбляет, разочаровывает.

Нужен сигнал, что я нужен... у Гришковца сигнал от города. А мне нужен сигнал хоть от какого-то человека, не по-

глощенного собой настолько, что твое присутствие вызывает у него оскомину, хотя официально тебе рады. Была горстка людей, которые оценили твое беспонтовое поведение, но и тех надолго не хватило. В этом нет желания протянуть руку навстречу или понять твое состояние хоть немного. Мнительность не пронизательность и распространяется только на нас. О других гадаем, но эти гадания ничего общего с реальностью, как правило, не имеют, и когда мы это поняли, повзрослев и отупев, гадать перестали, плюнули на все и покрылись коростой бесчувствия.

Для праведников – рай, для грешников – ад, а для тупых – грабли. Пойду и наступлю. Давно по башке не получала. Весна голову кружит, и каждый раз одна отговорка: вот причащусь, тогда посмотрим, на горячую голову ничего не надо предпринимать. Как причастишься – все до лампочки. Хоть шас умру и, слава Богу!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Однажды ты будешь скучать по тому, что происходит сейчас...

Я помню, как обнаружил, что есть другие. Другие люди! Помню, как случилось это столь, казалось бы, очевидное открытие. Мне открылось, что все люди другие. Не такие же как я, а другие. Все! И мир не населен мною, размноженным на миллионы людей. Все другие люди, они совершенно другие, а я другой для них. Вот так! Я помню, как это открылось мне, как я был ошеломлен и как в первый раз начал всматриваться в людей даже хорошо мне знакомых, после этого открытия.

Е. Гришковаец, «Другие»

6 мая.

Роман: Доброго времени суток) мы знакомы?

Крис: Доброго!) вроде да – концерт Мавра в 2007м))

Роман: Концерт помню, давно это было... а вот с кем там познакомились... помню только, что в тот день еще был футбол, и мы после концерта имели жесткий махач с 8 гопниками, 8 на двоих. Я-то хоть как-то отмахивался, а друга завалили и изрядно помяли. Хорошая у тебя память... у меня тоже, но я тебя вот так прям не помню. Лицо знакомое показалось, однозначно где-то видел, но где... Это ж сколько

лет назад? Семь?

Крис: Почти – октябрь был...

Роман: А, на ранних фотках ты узнаваемей!

Крис: Я думала, не изменилась особо...

Роман: В цивильных шмотках смотришься несколько иначе. Чем занимаешься сейчас?

Крис: Кино смотрю, точнее, слушаю)

Роман:))) Ну я не про прям сейчас, по жизни))

Крис: На клиросе пою, в библиотеке работаю)

Роман: Прикинь, я знаю, что такое клирос! Я там тоже пел, но немного и ооочень давно. Интересная метаморфоза – от рок-тусовки в клир и библиотеку...

Крис: Сама удивляюсь) но в тусовке я особо не была, общительности не хватало)

Роман: Так истово веришь? Или просто поешь?

Крис: Верю. Просто петь я и не умела – на фоно играла, шас пытаюсь подучиться) А ты в сфере ЖКХ, насколько я поняла?

Роман: Извини, если вопрос был некорректным. Про веру. Я ни в коем не случае не лезу в эти тонкие материи) Не. Я простой безработный)) с жкх напрямую не связан. Так, сижу, никого не трогаю, починая примус (с)

Крис: Все нормально) Просто фотки глянула – ты там такой солидный, в костюме)

Роман: А, это я когда на фабрике работал. А у тебя имя Кристина?

Крис: Да)

Роман: Как у Кинга)

Крис: Я так и не добралась до этой книги ((и что там про меня?

Роман: Это лучше прочесть. Надеюсь, не про тебя)

Крис: Постараюсь, тем более с книгами без проблем))

Роман: А ты на мотоцикле каталась когда-нить?

Крис: Нет.

Роман: Покатать?))

Крис: Надо подумать... а шлем есть?

Роман: Ага. И курточка есть) А чего думать-то?

Крис: Да я над всем подолгу думаю, такой уж тормоз...

Роман: Ну-ну. Не наговаривай)) Когда покатать?

12 мая.

Накануне сбьчи мечт.

Думаешь, легко было нажать заветную кнопку? Простую кнопку «добавить в друзья». Три дня не могла решиться, сердце заходило от предчувствия перемен в жизни и от желания эти перемены создать. Нет больше сил. Нет другого выхода. Придется делать шаг навстречу, иначе я взорвусь или сойду с ума. И я свой шаг сделала. Остальное делаешь ты, и на удивление стремительно приближаешься. Каждый вечер – потрясучка. Каждый выход в сеть – смертная казнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.